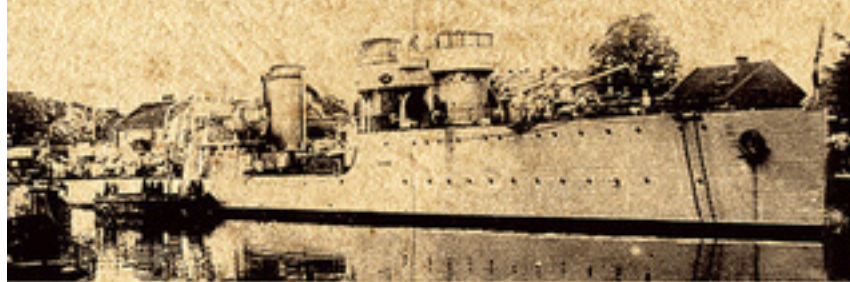

ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАВЕДЕЕВ

Судьба флотского офицера

Литературная запись
Веры Юрьевны Заведеевой

Вера Заведеева

**Иван Иванович Заведеев.
Судьба флотского офицера**

«Библос»

2016

УДК 532.5
ББК 63.3(0)6

Заведеева В. Ю.

Иван Иванович Заведеев. Судьба флотского офицера /
В. Ю. Заведеева — «Библос», 2016

ISBN 978-5-905641-35-0

Рассказ о замечательном талантливом человеке, прошедшем нелегкий путь от деревенского мальчишки до лауреата Сталинской премии. Почти что ровесник века, он пережил все тяготы, доставшиеся его стране в XX столетии, и свято верил в то, за что боролся, не предав ни словом, ни делом идеалы своего времени. Он считал, что именно советской власти он обязан возможностью учиться и своими достижениями. Для родных, близких и тех, кто интересуется историей страны из «первых уст».

УДК 532.5
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-905641-35-0

© Заведеева В. Ю., 2016
© Библос, 2016

Содержание

Предисловие	7
Последнее воскресенье весны	8
Крестьянский сын, морской офицер, лауреат Сталинской премии	11
Деревня	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вера Заведеева
Иван Иванович Заведеев.
Судьба флотского офицера

© В. Ю. Заведеева, 2016

© ООО «Библос», 2016.

* * *

*Благодарю за помощь в создании этой книги мою семью – мужа
Аркадия и сына Ивана, а также племянницу Елену.*

Капитан первого ранга, лауреат Государственной (Сталинской) премии Иван Иванович Заведеев

Предисловие

В начале 1970-х герой этого повествования, замечательный человек и уникальный специалист, всю свою жизнь верой и правдой служивший своей стране и ее военно-морскому флоту, выходил на пенсию. Несмотря на солидный возраст, у него было еще много интересных идей, к тому же накопленные колоссальные знания и опыт надо было передать молодым коллегам из морского НИИ «Агат», где он трудился последние десять лет после увольнения в запас. На «заслуженный отдых» его не тянуло. Однако семья настаивала на его уходе с работы.

В первое время ему казалось, что настоящая жизнь кончена, осталось только владеть жалкое существование пенсионера – бесполезного обществу и тому делу, которому он отдал всего себя, – да готовиться к смерти. Толстая «общая» тетрадь в линейку в дерматиновой обложке и шариковая ручка, которые я ему вскоре вручила, сопроводив настоятельной просьбой повременить с уходом в мир иной, пока он не напишет воспоминания о своей жизни, отвлекли его от грустных мыслей и развеяли все сомнения в нужности этого занятия.

Сначала он отнесся к этому предложению скептически: «Кому это будет интересно?» Но постепенно увлекся, вспомнив, что от его родителей, сестер и братьев у него не осталось даже фотографий. Так пусть его собственным детям, внукам и правнукам останется память о нем самом, о том, что довелось ему пережить на своем веку, чтобы они могли судить о временах ушедших не по чьим-то чужим измышлениям, а по его непосредственному свидетельству.

Так за первой тетрадкой последовали вторая, третья... Всего их получилось пять. Эти тетради после его смерти много лет бережно хранила и изучала внучка Елена.

Прошли годы. Наступил новый век в новом, третьем тысячелетии. В 2015 году 28 мая исполнилось тридцать два года со дня смерти Ивана Ивановича. Его жена Валентина Арсеньевна пережила его на одиннадцать лет. К сожалению, давно умер и зять Анатолий Данилович, да и младший сын, Виктор Иванович, уже покоится рядом со своими родителями. В канун празднования 70-летия Дня Победы мой внук, первоклассник Борис, стоял на торжественной линейке в школе, посвященной этому событию, с портретом своего прадеда, а затем рассказывал в классе о его военных подвигах.

И мне тоже захотелось рассказать об этом замечательном человеке, с которым я познакомилась в 1966 году, хотя бы то, что я помню из его рассказов и записей, а также воспоминаний родных. Однако документальной основой моего рассказа стали те самые знаменитые тетради. Возможно, когда-нибудь наши внуки-правнуки расскажут о нем и своим собственным, чтобы образ этого неординарного человека как можно дольше оставался в памяти поколений. Ведь пока человека помнят, он жив!

Его дочь Людмила Ивановна (1940), сын Аркадий Иванович (1942) и невестки Наталья Евгеньевна (1945) и Вера Юрьевна (1946), а также молодое поколение: трое взрослых внуков – Елена Анатольевна (1966), Иван Аркадьевич (1971) и Евгений Викторович (1979) и двое правнуков-школьников – Вера Евгеньевна (2003) и Борис Иванович (2007) и сегодня все так же чтут его память как выдающегося человека и главы их рода.

Последнее воскресенье весны

Такой жары, как в конце мая 1983 года, давно не было. Яркая зелень листвы уже утратила свою нежную свежесть и волнующий аромат. Даже трава на строгинском пляже местами превратилась из пухово-ласковой муравы в колючее мочало.

В это последнее воскресенье весны весь берег был усыпан отдыхающими из соседних домов, которым близость их нового жилища к Москве-реке компенсировала все неудобства жизни в строящемся спальном районе.

– Давай-ка домой. Накупались, позагорали. Завтра на работу, – вздохнул муж, высматривая плещущегося в воде сына.

– Ну, может, еще немножко побудем? – заскулила я. – Когда снова с ребятами увидимся?

Ребята – это наши закадычные друзья, бывшие соседи по Тушину, перебравшиеся в Строгино. Мы приехали их навестить, а заодно и позагорать на Москве-реке.

До вечера было еще далеко, и в метро мы вдруг решили, что вполне успеем в больницу, в госпиталь Бурденко, провести свекра Ивана Ивановича, который что-то там залежался. Последний раз всей семьей мы у него были 9 мая, поздравляли с праздником Победы, к которой он имел прямое отношение.

Старинный корпус, больше похожий на каземат, чем на больницу, с высокими сводчатыми потолками и длинными унылыми коридорами, после яркого весеннего солнца казался угрюмым пристанищем несчастья. В тесной палате на шестерых – военнослужащие разных возрастов, бывшие и настоящие. Среди них – раненый из Афганистана, совсем еще мальчишка. Иван Иванович, казалось, дремал и никак на наше появление не прореагировал. Он часто дышал, в горле у него что-то булькало, лежавшие на груди кисти рук мелко подрагивали. Мы по очереди его поцеловали, но он даже не открыл глаза. Его сосед по палате, немолодой болезненно-бледный мужчина, с тревогой смотрел на Ивана Ивановича, понимая, в отличие от нас, что происходит.

– Только вчера унесли одного, – кивнул он на пустую кровать напротив, а сегодня вот ваш дедушка... – запылся мужчина на полуслове, – такой человек хороший, мужественный...

Вдруг дверь распахнулась и в палату влетела фурия в белом халате:

– Вы что здесь? Выйдите немедленно! Еще и ребенка к умирающему притащили!

Мы с сыном Ваней вышли, оглушенные такой вестью. Ведь он живой, дышит! Как это – умирающий? Муж остался в палате выяснять у врачихи, что случилось. Ведь только вчера у отца был его младший брат Виктор, а днем раньше сестра Людмила, и ничего такого не заметили. Он разговаривал, правда, был очень слабенький. Так немудрено – почти месяц в этой тесной мрачной палате, с неясным диагнозом, но не прекращающейся болью уже во всем теле, а не только в пояснице, которая его беспокоила последние полгода. Врачи пробовали на нем то один метод лечения, то другой... Уж лучше бы не мучили, зная, что конец близок.

К палате шла встревоженная Людмила.

– Я знала, что сегодня кто-нибудь приедет – Аркадий или Витя, но что-то вдруг так тревожно стало, и я схватила такси, боясь не успеть до шести... Как он?

– Нас выгнали оттуда. Врачиха. По-моему, капельницу ставит. Кажется, он без сознания...

Людмила вошла в палату, а мы с Ваней продолжали стоять в коридоре в тягостном молчании. Через какое-то время они с Аркашей вышли, шепотом переговариваясь, и мы все направились к выходу. В палату забежали врачи и медсестры.

– Мама, почему тетя Люда с папой так говорят про дедушку, будто его уже нет?! Он ведь живой, я видел! Разве можно так говорить?!

Я молчала, не осознавая еще всего случившегося буквально при нас. Как посмотреть сыну в глаза, полные слез? Как ему объяснить, что такое смерть? Когда невозможно поверить, что этот человек, еще такой теплый, такой живой, уже ушел? Муж с сестрой обсуждали, что надо делать, кому звонить и, самое главное, как сообщить об этом больной матери.

Хоронили Ивана Ивановича с воинскими почестями. Были официальные представители из Министерства обороны СССР, его «молодые» сослуживцы и бывшие подчиненные по минно-торпедному управлению, где он служил с 1938 по 1961 год, а также сотрудники Центрального морского НИИ «Агат», где он работал после увольнения в запас. Приехали и его давние друзья, тоже старенькие. Их осталось совсем мало. В последние годы он с тревогой открывал по утрам газету «Правда». Увидев очередной некролог со знакомым портретом – с кем-то служил, с кем-то сотрудничал, с кем-то занимался комсомольской и партийной работой или просто дружил, – он с грустью говорил: «Опять быют по нашему квадрату».

На Химкинском кладбище министерский распорядитель выстроил нашу процессию с цветами и венками, поручив Ване как старшему внуку нести дедушкины награды на красных подушечках – пять орденов: орден Ленина, орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден «За боевые заслуги», а также одиннадцать медалей, в том числе медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Только знака «Лауреат Сталинской премии» не было – затерялся где-то еще в пятидесятые.

Гроб до семейной могилы несли военные. На крышке – его морская фуражка. Еще за год до смерти Иван Иванович поручил мне, своей невестке, проследить за тем, чтобы его похоронили по всем правилам: в военной форме и с фуражкой, прибитой к крышке гроба. Даже нарисовал на бумажке, как это должно выглядеть. По старинному морскому обычаю следовало бы прибить и именной кортик – крест-накрест ножны и кортик, но его он завещал передать потом на память старшему внуку Ивану III, которого и называли-то в честь деда и прадеда. Летом 1982 года он попросил меня сфотографировать его с Ваней. Оба в форме: Иван-старший – в военно-морской, Иван-младший – в пионерской, белой рубашке с галстуком.

Иван II и Иван III

Прозвучали краткие горестные речи, прогремели выстрелы воинского салюта, заглушая плач провожающих, – и вот уже вырос небольшой холмик, усыпанный цветами. Нет больше Ивана Ивановича, задушевного, родного человека, никогда не унывающего, человека, который не позволял себе по-стариковски брюзжать и распускаться даже в последние месяцы смертельной болезни. Казалось, что с его жизнелюбием и чувством юмора для него, пережившего многое на своем веку, и сто лет – не предел. Теперь нам, его родным, оставалась только память о нем.

Потрясенный его кончиной младший сын Виктор, который навещал его за день до смерти, все корил себя, повторяя сквозь слезы: «Как же я не понял, что он со мной прощался навсегда, когда я наклонился поцеловать его перед уходом? Он с трудом обнял меня одной рукой за шею и, притянув к себе, произнес что-то шепотом. Мне послышалось: “Играть, так играть...” Я еще немного удивился... А ведь он, наверное, сказал: “Умирать, так умирать...” Как же я не понял этого сразу?!»

Всего лишь чуть больше четырех месяцев прошло с того дня, когда мы всей семьей двадцатого января весело отмечали его восьмидесятилетие. Глядя на его живые смеющиеся глаза, не утратившие молодой голубизны, такой погибельной для слабого пола, и поднимая тосты за следующие юбилеи, невозможно было даже представить, что он так быстро уйдет. Ему почему-то было очень важно отметить именно этот юбилей. Он и своей часто хворавшей жене, бывшей на десять лет его моложе, Валентине Арсеньевне, с которой прожил пятьдесят четыре года, настоятельно советовал обязательно дотянуть до восьмидесяти, а там – как получится. Она вняла его совету и дожила до восьмидесяти одного года.

С уходом Ивана Ивановича не только его дом осиротел: казалось, что из большой и очень дружной семьи – дочь, двое сыновей, зять и невестки, двое внуков и внучка – вынули стержень, на котором все держалось. Как-то все разом ушли в свои скорлупки. Конечно, не забывали старенькую мать, свекровь и бабушку, заботились о ней, навещали и звонили постоянно. Но без него исчез сам дух большой семьи, где все чувствовали себя его любимыми детьми и где все были искренне рады друг другу.

Крестьянский сын, морской офицер, лауреат Сталинской премии

Деревня

В крещенские морозы 1903 года в небольшой, дворов на двадцать, деревне в 32 верстах от уездного города Себежа Витебской губернии с неказистым названием «Ковыряево», на берегу озера, у Ивана и Варвары Заведеевых родился сын. Записали его в церковной книге двадцатым числом (скорее всего, по старому стилю) и нарекли Иваном, как выходило по святкам. Семья кормилась своим натуральным хозяйством – «как потопаешь, так и полопаешь».

Пахали-сеяли на своих четырех десятинах скудной земли, разводили огороды, держали скотину, строили лодки, вязали сети, да ловили рыбу. Сеяли лен и ткали из него холсты. Разводили овец и из шерсти вырабатывали сукно. Выделывали кожи и тачали сапоги, которые надевали только по праздникам, а в другие дни довольствовались лаптями из веревок или лыка. Зимой, когда озеро замерзало, мужики уходили на заработки в ближайший крупный райцентр Опочка, раскинувшийся на берегу реки Великая, или в Великие Луки, а кто посмелее да потолковее – то и в Питер или Псков. Самые удачливые рыбаки отправлялись продавать рыбу, если было на чем ее везти. Самые невезучие – батрачили на других.

Дореволюционная Опочка

В позапрошлом веке ковыряевцы обходились без фамилий, довольствуясь деревенскими прозвищами. Но власти потребовалось провести перепись населения в огромной империи.

Обычно фамилию давали по названию местности, где человек жил, или по имени его отца, или по принадлежности к какому-то сословию. Так, у жителей какой-нибудь деревни – многочисленных близких и дальних родственников – могла быть одна фамилия на всех. Однако дед Ивана не захотел, чтобы его семейство звалось Ковыряевыми. Как-то он отправился в Питер продать немного мороженой рыбы и прикупить скобяного товара для хозяйства. Покончив с делами, он зашел в чайную, где познакомился с приезжим мужичком из Ярославля. И так ему пришелся по душе новый дружок, что решил он взять себе такую же библейскую фамилию, как у того, – Заведеев. И с той поры полдеревни Ковыряево стали Заведеевыми, а уличное прозвище у семьи Ивана Ивановича было Юдины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.